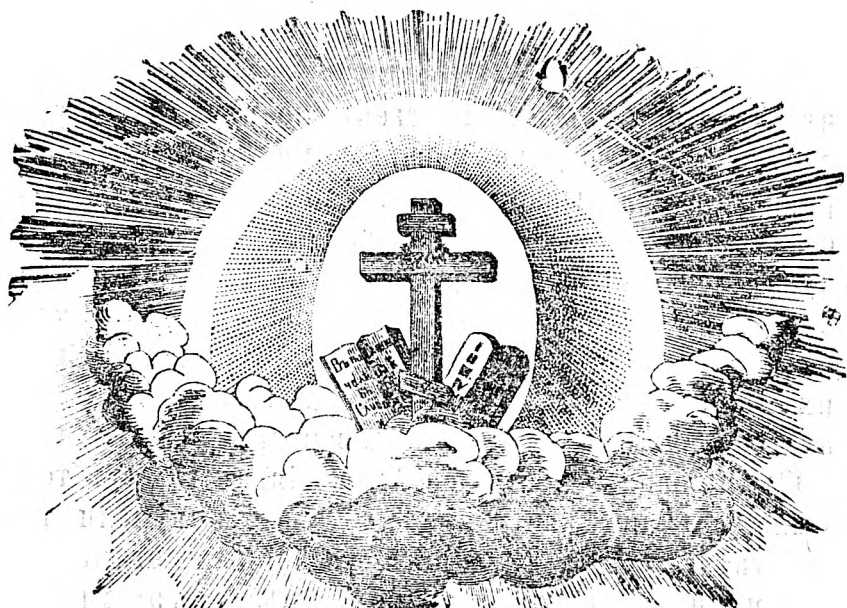

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 іюня. № 11. 1880 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ОБЫЧАИ И УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ*).

4) Къ числу лицъ, пользовавшихся особою заботливостію вѣрующихъ, относились *попавшіе въ плѣны къ варварамъ, рабы и осужденные за вѣру на работы въ рудникахъ*. Такъ, по свидѣтельству св. Кипріяна, христіане въ его время лишь только узнавали,

*) Продолженіе. См. № 10.

что кто либо изъ ихъ братьевъ по вѣрѣ былъ уведенъ въ рабство дикими варварами, тотчасъ собиравались и складывались, каждый по своимъ средствамъ, чтобы получить сумму, необходимую для выкупа несчастныхъ изъ рабства (Ер. I.XI.) Онъ самъ, какъ мы видѣли выше, собралъ разъ съ своего клира и народа до четырехъ тысячъ рублей и послалъ ихъ нумидійскимъ епископамъ для выкупа христіанъ, попавшихъ въ плѣнъ къ варварамъ (Epist. 60, p. 203). По свидѣтельству св. Амвросія, въ IV вѣкѣ тоже было не мало вѣрующихъ, которые выкупали изъ рабства у Готовъ христіанъ, уведенныхъ этими варварами изъ Фракіи и Плиріи. Вместе съ этимъ первые христіане старались выкупать изъ рабства своихъ братьевъ по вѣрѣ и у законныхъ ихъ владѣльцевъ—язычниковъ, слѣдуя Апостольскимъ Постановленіямъ, въ которыхъ сказано: „законнымъ трудомъ вѣрныхъ освобождай святыхъ, выкунай невольниковъ, плѣнныхъ“ и т. д. (IV, p. 300). Такимъ образомъ, св. Игнатій упоминаетъ о рабахъ, выкупленныхъ на счетъ общій. По свидѣтельству Климента римскаго, самоотверженіе первыхъ христіанъ въ этомъ случаѣ простиралось до того, что иные продавали самихъ себя, чтобы только другихъ выкупить изъ рабства (I Ер. ad Cor. p. 100). Послѣ этого понятно, что первые вѣрующіе не могли терять рабства и въ своей собственной средѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было узаконено римскимъ правомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же христіанинъ—господинъ могъ смотрѣть на своего раба, какъ на вещь, которою, по римскому праву, можно было пользоваться по собственному произволу, когда онъ не повѣдывалъ та-

кую религію, которая объявляла, что въ мірѣ уже болѣе не должно быть ни грековъ, ни скивовъ, ни чужихъ, ни свободныхъ, ни рабовъ, ни господъ,—когда, напротивъ, всѣ вѣрующіе безъ всякаго различія входили въ одно и то же святилище и участвовали въ однѣхъ и тѣхъ же таинствахъ, садились за одну и ту же трапезу, призывали одного и того же Бога, равнаго для всѣхъ безъ исключенія? И вотъ исторія свидѣтельствуешь, что въ христіанскомъ домѣ рабъ или невольникъ не боялся ни креста, ни мученій, столь обыкновенныхъ у язычниковъ, ни безпомощности въ болѣзни и старости,—онъ былъ спокоенъ, что его также не продадутъ ни въ амфитеатръ, ни на какое позорное занятіе, потому что все это не одобрялось христіанскою церковію; напротивъ, онъ скорѣе могъ надѣяться получить полную свободу, и, получивъ, не остаться брошеннымъ на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ къ существованію, какъ это было при отпущеніи рабовъ господами изъ язычниковъ, потому что христіанинъ, освобождавшій своего раба, вмѣстѣ съ тѣмъ становился покровителемъ его во всѣхъ случаяхъ жизни.

Равнымъ образомъ и сосланные въ рудники возбуждали въ первыхъ христіанахъ живѣйшее состраданіе къ своему положенію. Такъ, въ письмѣ, написанномъ во второмъ вѣкѣ къ римскимъ христіанамъ Діонисіемъ Коринѣскимъ, мы находимъ самыя выспрещія похвалы благочестивому Сотеру и другимъ вѣрующимъ за щедрое благотвореніе къ означеннымъ несчастнымъ (Перк. Ист. Евс. IV, 42.). Впрочемъ, въ этомъ родѣ благотворенія отъ римскихъ христіанъ не отставали и другія церкви. Въ

этомъ отношеніи особенно прекрасные примѣры представляли христіане африканской церкви въ концѣ II-го и въ половинѣ III-го вѣковъ (Сург. Ер. LXXVI. Апол. Терт. XXXIX). Кромѣ утѣшенія и ободренія этихъ несчастныхъ разными трогательными посланіями, вѣрующіе также посылали имъ и значительныя суммы денегъ (см. тамъ же). Есть весьма трогательное письмо къ Кипріану отъ христіанъ, находившихся въ рудникахъ, наполненное самою некрепнею благодарностію за тѣ значительныя пособія, которыя онъ посылалъ къ нимъ (Сург. Ер. CCXXXVI.). Вообще изъ церковной исторіи (Евс. кн. VII, гл. 1. 12.) видно, что этотъ родъ милостины составлялъ для христіанъ самый излюбленный предметъ досамаго окончанія гоненій...

5) *Больные.* Кромѣ близкихъ, всѣ другіе вѣрующіе и особенно монахи не только посѣщали больныхъ, но и снабжали ихъ всѣмъ, въ чемъ лишь они имѣли нужду,—увѣщевали ихъ переносить болѣзнь свою съ терпѣніемъ и употребляли всѣ средства, содѣйствующія къ ихъ выздоровленію. Эти обязанности первыя вѣрующіе исполняли мужественно даже по отношенію къ такимъ лицамъ, которыя были одержимы болѣзнями заразительными, не обращая вниманія на тѣ опасности, которымъ они подвергали свое собственное здоровье. Для подтвержденія сказаннаго можно было бы привести множество свидѣтельствъ изъ разныхъ отцевъ Церкви и церковныхъ писателей, особенно изъ Іустина Мученика и Тертулліана, но мы считаемъ достаточнымъ привести только два болѣе поразительныхъ свидѣтельства, одно св. Діонисія, епископа александрійскаго, и

другое діакона Понтія. Первое свидѣтельство заключается въ посланіи Діонисія къ своей паствѣ. Это весьма трогательное посланіе записано Евсевіемъ и содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, подробное описаніе чумы, опустошавшей подвѣдомыя ему страны, съ другой, достойно восхваляетъ ту чисто героическую любовь и самоотверженіе, которыя въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ проявили священники, діаконы и простые вѣрующіе. Дѣло въ томъ, что въ III вѣкѣ, вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ и произведеннаго ими голода, открылась моровая язва не только въ Египтѣ и Александріи, но и во всѣхъ римскихъ провинціяхъ, продолжавшаяся непрерывно цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, отъ 250 до 265 года, и свирѣпствовавшая съ такою силою, что въ теченіе нѣкотораго времени въ Римѣ умирало по 5000 человекъ ежедневно, а другіе города совершенно вымерли. Тогда язычники, пораженные страхомъ, думали только о собственной безопасности. „Сдѣлавшись безчеловѣчными, писалъ Діонисій Александрійскій, язычники вслѣдствіе такой крайности выгоняли изъ своихъ домовъ тѣхъ, которые подвергались заразѣ, покидали своихъ самыхъ близкихъ друзей, выбрасывали на улицу полумертвыхъ, испускавшихъ послѣднее дыханіе, и оставляли ихъ непогребенные трупы на снѣденіе собакамъ, напрасно надѣясь чрезъ то избѣжать бѣдствія. Напротивъ, христіане, видя въ этомъ несчастіи, какъ и во всѣхъ другихъ бѣдствіяхъ жпзни, только испытаніе ихъ терпѣнія и крѣпости вѣры, смотрѣли на это бѣдствіе съ мужествомъ и спокойствіемъ. Движимые пламенною любовію къ несчастнымъ и забывая всякую за-

боту о самихъ себѣ, большая часть ихъ день и ночь посѣщали больныхъ и ходили за ними по любви ко Христу. Пресвитеры, діаконы и міряне умирали жертвами заразы, радуясь, что жертвовали жизнью за друзей и братьевъ. Они принимали тѣла святыхъ, только что испустившихъ послѣднее дыханіе, на расprostертыя руки свои и перси, закрывали имъ глаза, заключали уста, несли ихъ на своихъ плечахъ и потомъ полагали, прижимали ихъ къ себѣ и обнимали, украшали ихъ умываньями и одеждами, а вскорѣ и сами сподоблялись того же отъ другихъ, которые переживали заразу“ (Церк. Ист. Евсев., кн. VII. гл. 22.). Нѣсколько лѣтъ послѣ подобное же мы видимъ и въ Карфагенѣ при открывшейся тамъ также моровой язвѣ. „Тогда какъ язычники, свидѣтельствуешь діаконъ Понтій, движимые страхомъ и скупостью, ни о чемъ не думали, кромѣ того, чтобы избѣжать всякаго общенія съ больными и завладѣть ихъ достояніемъ, когда они умирали, епископъ Кипріанъ жилъ среди своей паствы, съ которою онъ дѣлилъ опасности,—и своими трогательными увѣщаніями *) успѣлъ поддержать къ себѣ довѣріе и возбудить духъ самоотверженія въ вѣрныхъ. Всѣ чувствовали готовность слѣдовать за нимъ и жертвовать собою вмѣстѣ съ нимъ, одушевляясь этою любовью, которую всѣ должны имѣть къ братьямъ о Христѣ. Тѣ, которые не могли давать денегъ, давали болѣе,—отдавали самихъ себя для попеченія о

*) Между прочимъ въ это именно время Кипріанъ произнесъ ту знаменитую рѣчь „о смертности“, которая считается образцемъ христіанскаго краснорѣчія.

больныхъ. Эти святыя дѣйствія любви продолжались во все время бѣдствія, которое свирѣпствовало еще и по смерти Кипріана (Діаконъ Понтій, въ жизни Капріана; Сург. Ер. ad Demetr. p. 433.).

6) *Странники*. Первые христіане имѣли обычай съ радушіемъ и любовію принимать странниковъ; лишь бы послѣдніе входили къ кому нибудь въ домъ, имъ умывали ноги (1 Тим. гл. V, 9.) и старались, какъ могли, удовлетворить ихъ нужды. Въ этомъ случаѣ христіане слѣдовали примѣру и заповѣди апостола Іоанна, который въ одномъ посланіи своемъ къ старцу Гайю писалъ, что онъ Гайю по истинѣ поступаетъ во всемъ, что дѣлаеть ради своихъ братьевъ и ради странниковъ: *возлюбленіе вѣрно твориши, еже аще дѣлаши въ братію и въ странныя* (3 посл. Іоан. 1, 5). Точно также и изъ твореній христіанскихъ апологетовъ видно, что отношенія первыхъ вѣрующихъ къ странникамъ были чисто въ духѣ христіанской благотворительности и любви. Такъ, св. Іустинъ Мученикъ (апол. 1 67.) свидѣтельствуеть, что милостыни отъ щедротъ вѣрующихъ частію были употребляемы *на пріятіе странниковъ*. Равнымъ образомъ и Тертуліанъ, желая дать понять, насколько единеніе христіанской жены съ идололатріею было не совмѣстно съ ея обязанностями, пишетъ въ одномъ мѣстѣ (ad uxor. lib. 11. 8. IV): „какой язычникъ допустить свою жену блуждать по темной и неизвѣстной дорогѣ, входить въ самыя бѣдныя хижины, вставать ночью, чтобы присутствовать въ собраніи (вѣрующихъ), приносить воду для умовенія ногъ святымъ, и наконецъ позволить ей оказать гостепріимство какому нибудь хри-

стіанину—страннику въ ея домѣ? Что и въ послѣдующихъ вѣкахъ отношенія вѣрующихъ къ странникамъ не измѣнились нѣсколько, это можно видѣть изъ положительныхъ свидѣтельствъ Фирмилиана, Діонисія Александрійскаго, Весплія Великаго, бл. Августина и друг.

7) *Убогіе и дряхлые*, которые отъ тѣлесныхъ немощей, или по другимъ причинамъ, стали неспособны къ работѣ, а, слѣдовательно, пришли въ безпомощное состояніе. Всѣхъ подобныхъ людей первоначальная церковь Христа принимала на свое попеченіе и давала имъ возможность остатокъ дней своихъ провести безъ всякихъ тревогъ о насущномъ пропитаніи и одеждѣ. Корнелій, епископъ римскій, свидѣтельствуетъ, что въ половинѣ III вѣка его церковь содержала обыкновенно, сверхъ многочисленнаго клира, болѣе 1500 человекъ разнаго рода несчастныхъ и бѣдныхъ (Церк. Ист. Евс. VI, 43). Тоже, конечно, надобно думать и о другихъ церквахъ. Притомъ церкви, болѣе богатые своими милостынями, восполняли недостаточность средствъ другихъ церквей менѣе состоятельныхъ. Св. Кипріанъ, узнавъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ Африки находится одинъ несчастный фокусникъ, который по своей дряхлости не могъ найдти другихъ средствъ къ своему пропитанію, кромѣ своего прежняго ремесла, строго запрященнаго въ христіанской древности для вѣрующихъ, написалъ епископу Евкратію посланіе, въ которомъ напомнилъ послѣднему, что этотъ несчастный долженъ былъ содержаться на изживеніи своей церкви; если же церковь, къ которой онъ принадлежалъ, по недостаточности своихъ средствъ, не могла

его прокормить, то прислали бы его, писалъ Киприанъ, въ Карфагенъ, гдѣ онъ получить отъ него самого все необходимое, и пищу и одежду (Eus. ad Euseb. р. 205). Впрочемъ, первенствующая церковь оказывала нѣкоторое пособіе и людямъ здоровымъ и крѣпкимъ, которые хотя и работали, но по какимъ либо обстоятельствомъ не могли пріобрѣсти достаточныхъ средствъ для содержанія ихъ семействъ. Только лѣнивые, моты и обманщики совершенно лишались церковнаго вспоможенія. „Тѣ, которые бѣдны вслѣдствіе дурнаго поведенія, говорится въ Апостольскихъ Постановленіяхъ, вслѣдствіе пьянства или расточительности, не заслуживаютъ вспоможенія; они недостойны быть даже членами церкви“ (II. 4. 63. р. 217, 274). „Горе, говоритъ Климентъ Александрійскій, тѣмъ, которые имѣютъ, и однакожъ, притворствуя и обманывая, соглашаются принимать подаванія отъ своихъ братій“ (Fragm. Comm. in. Math. V. 42).

(8) Наконецъ, *нищіе вообще и всякіе несчастные*, кто бы они ни были, даже не христіане. Въ этомъ отношеніи первые христіане представляли міру удивительное и совершенно непонятное зрѣлище безкорыстія и самоотверженія. Первые христіане заботились не только о тѣхъ бѣдныхъ, которые были соединены съ ними узами одной вѣры,—это было бы еще понятно для язычниковъ,—но и о всѣхъ другихъ бѣдныхъ безъ различія вѣроисповѣданія; они дѣлали добро даже язычникамъ, которые ихъ преслѣдовали! „Наша вѣра, согласно говорятъ Мученикъ Іустинъ, Аѳинагоръ, Теофилъ Антіохійскій, предписываетъ намъ любить не только своихъ, но и

чужихъ, даже нашихъ враговъ“. „Всѣ имѣють любовь къ своимъ друзьямъ, говоритъ Тертуліанъ, но однимъ христіанамъ свойственно любить тѣхъ, кто ихъ ненавидитъ“ (Tertull. ad Nap. c. 1 p. 151). Даже іудеи, вступая въ церковь Христову, оставляли свои національныя предубѣжденія. Не смотря на то, что во время моровой язвы въ Карфагенѣ язычники обвиняли въ этомъ бѣдствіи христіанъ и подвергли ихъ за то новымъ гоненіямъ, св. Кипріанъ Карфагенскій писалъ къ своей паствѣ, увѣщевая ее платить этимъ безумцамъ за ихъ зло добромъ. „Если мы, писалъ онъ, будемъ дѣлать добро только тѣмъ, которые дѣлають его намъ, чѣмъ же тогда наша дѣятельность будетъ выше дѣятельности язычниковъ и мытарей? Но если мы считаемъ себя дѣтьми Бога, Который посылаетъ свой дождь для злыхъ, какъ и для добрыхъ, то докажемъ это нашими дѣлами, благословляя проклинающихъ насъ и дѣлая добро преслѣдующимъ насъ“. И діаконъ Понтій прибавляетъ, что карфагенскіе христіане послѣдовали этому призыву, и пожертвованія ихъ были такъ значительны, что ихъ достало для вспомошествованія людямъ чуждымъ, такъ же какъ и служителямъ вѣры (Понтій, о жизни Кипріана). Потомъ припомнимъ еще голодъ и моровую язву въ Александріи. И здѣсь христіане, подобно карфагенскимъ, хотя еще недавно терпѣли отъ язычниковъ гоненія, а теперь во время страшнаго бѣдствія забывали несправедливость и жестокость своихъ враговъ,—они одни посвятили себя погребенію умершихъ, которыми были завалены улицы,—они одни, собирая на площадяхъ несчастныхъ, изнуренныхъ голодомъ, раздавали хлѣбъ

всѣмъ безъ различія, такъ что самые враги ихъ не могли не признать, что только они одни искренно служатъ Богу. И вотъ не разъ случалось, что, поражаясь зрѣлищемъ столь безкорыстной христіанской добродѣтели, язычники оставляли свою вѣру и становились христіанами (Кипр. письм. XIII; Апол. Іуст. 1, 14). Чтобы познакомиться съ самою живою и наглядною картиною христіанской заботливости о бѣдныхъ во времена гоненій, ничего не можетъ быть лучше, какъ прочесть извѣстный разсказъ кардинала Виземала, посящій названіе „Фабіола“ (особенно 14 главу), гдѣ эта христіанская любовь къ бѣдному ближнему, кто бы онъ ни былъ, изображена самыми свѣжими красками христіанской древности. .. Указаніе на эту черту христіанскихъ нравовъ оставило намъ и древне-христіанское искусство. Такъ, иногда на фрескахъ, въ катакомбахъ, и въ особенностяхъ на фрескахъ, украшающихъ усыпальницу св. Эрмы, попадаются изображенія женъ, несущихъ въ рукахъ подносы или корзины съ плодами. По мнѣнію ученыхъ археологовъ, эти жены никто другія, какъ діакониссы первоначальной христіанской церкви, изображенныя въ моментъ исполненія своихъ обязанностей, состоявшихъ въ томъ, чтобы разносить по домамъ пособія и пищу убогимъ и нищимъ. А на горѣ Цилійской въ Римѣ доселѣ еще можно видѣть весьма интересный памятникъ столь великой заботливости о нищихъ, какую имѣли древне-римскіе папы. Мы говоримъ о триклиніумѣ, или о столѣ, на которомъ св. Григорій великій ежедневно предлагалъ обѣдъ для двѣнадцати нищихъ. Во избѣжаніе же всякаго обмана имена нуждающихся

записывались въ древности въ особый реестръ, который позднѣе былъ названъ *матрикулами*, или канонемъ церковнымъ (Кипр. письм. 38, стр. 108.). Въ этомъ списокѣ діаконъ должны были обозначать возрастъ, полъ, занятія и положенія каждаго вспомошествоемаго и отбирали на этотъ счетъ свѣдѣнія самыя точныя и подробныя. По этимъ спискамъ діаконъ, или иподіаконъ и діакониссы каждаго дня раздавали бѣднымъ милостыню подъ надзоромъ епископа, который въ началѣ былъ единственнымъ хранителемъ и распорядителемъ церковныхъ имуществъ, состоявшихъ въ первое время большею частію изъ взаимныхъ добровольныхъ приношеній вѣрующихъ. Число этихъ исполнителей епископской воли, называвшихся въ древности *руками, устами и душою* епископа, было особенно въ главныхъ церквахъ весьма значительно; такъ, при константинопольской кафедральной церкви, по волѣ Юстиніана, число діаконъ простиралось до ста человекъ, число иподіаконъ до 90 человекъ, діакониссъ до сорока, а прежде, полагаютъ, число ихъ было еще значительно (Justin. Nov. 3, с. 1.), изъ чего можно заключить, что на этихъ лицахъ лежали самыя многочисленныя обязанности, между прочимъ относившіяся и къ богослуженію.

Но не смотря на всѣ внушенія о милостыни, первоначальная Церковь Христова всегда предоставляла вѣрующимъ полнѣйшую свободу въ своихъ пожертвованіяхъ и формально никогда не давала нищимъ права рассчитывать на имущества богатыхъ. Такъ, Іустинъ Мученикъ въ своей первой апологій (с. 1 XVII.) прямо говоритъ: „богатые даютъ только

то, что имъ угодно дать.“ О той же самой свободѣ жертвователей съ особенною настойчивостью говорить также и Тертуллианъ. Надобно замѣтить, что первенствующая Церковь Христова на явленія бѣдности и всякаго убожества смотрѣла, какъ на самыя естественныя слѣдствія неравенства у людей силъ физическихъ и умственныхъ и потому никогда не задавалась мыслию рѣшительно уничтожить между вѣрующими появленіе бѣдныхъ и всякихъ убогихъ; она только употребляла все средства, находившіяся въ ея распоряженіи, къ тому, чтобы возможно облегчить судьбу всехъ несчастныхъ и бѣдствующихъ, вводя ихъ въ одну общую христіанскую семью и возбуждая въ другихъ теплое къ нимъ участіе, какъ къ братьямъ по вѣрѣ.

П. Озерецкій.

(Продолженіе будетъ.)

СЕЛО ПОТЬМА НИЖНЕ-ЛОМОВСКАГО УѢЗДА.

(Историко-статистическій очеркъ).

Село Потьма отстоитъ на 28 верстѣ отъ Нижняго-Ломова по направленію къ г. Пензѣ; отъ большой дороги, идущей отъ Пензы къ Нижнему-Ломову, отдѣляется высокимъ горнымъ хребтомъ, который идетъ параллельно съ дорогою отъ Вирги до Атмиса. Красотою мѣстоположенія оно не отличается. Разкинуто оно по двумъ сторонамъ глубокаго оврага на протяженіи пяти верстѣ, пересекаемаго въ пяти мѣстахъ глубокими отрогами. Нелегко проѣхать Потьму изъ конца въ конецъ во всякое время, но случается проѣздъ по селу бываетъ совсѣмъ невозможенъ. Главный

оврагъ, на которомъ стоитъ село, весь обсаженъ большими ветлами; на глубинѣ его протекаетъ ручей, снабжающій все село хорошею водою. Сохранилось преданіе, что по обѣимъ сторонамъ оврага былъ огромный строевой лѣсъ, закрывающій село со всѣхъ сторонъ такъ, что лучи солнца не могли свободно достигать до него. Въ селѣ поэтому постоянно былъ полусвѣтъ, *потьма*. Это характеристическое названіе осталось за селомъ до настоящаго времени, хотя нынѣ ничто не препятствуетъ лучамъ солнца освѣщать село, какъ и другія мѣстности: лѣсъ отступилъ отъ села на довольно значительное разстояніе и изъ крупнаго превратился въ мелкій. Всѣ жители села Потьмы прежде назывались одноворцами, а въ настоящее время всѣ государственные крестьяне.

На лѣвой сторонѣ Потьмы стоитъ деревня Манторовка, отдѣляющаяся отъ села только глубокимъ и крутымъ оврагомъ и составляющая какъ бы продолженіе его; лѣвая же сторона села простирается далеко за деревню, почти на версту. Въ ней живутъ бывшіе одноворцы, а нынѣ тоже государственные крестьяне. Деревня эта старше села и есть родоначальница его. Объ ея возникновеніи сохранились памятники, которые переносятъ насъ въ смутныя времена набѣговъ на Россію крымцевъ и ногайцевъ, когда всякій пограничный житель Россіи былъ въ постоянномъ страхѣ за свое имущество и даже жизнь.

Извѣстно, что Пензенская губернія составляла въ концѣ XVI, XVII и началѣ XVIII вѣка часть пространства земель, называемыхъ „Украиною Московскаго Государства“. Украина сія претерпѣвала бѣдствія отъ набѣговъ крымцевъ и ногайцевъ и отъ русской вольницы—негодницы. Поэтому у государей русскихъ были постоянныя заботы объ укрѣпленіи московской украины. Еще Осодоръ Іоанно-

вичъ, сынъ Грознаго, по мысли Бориса Годунова, въ пунктахъ, болѣе опасныхъ отъ враговъ, приказалъ устроить непрерывную цѣпь засѣкъ и городковъ, т. е. укрѣпленій и острожковъ, и къ каждой крѣпосцѣ опредѣлили извѣстное число служилыхъ и военныхъ людей. Таковыя крѣпосцы были и въ Пензенской губерніи: онѣ тянулись отъ рѣки Суры къ рѣкамъ Шукшѣ, Ломову, Ваду и далѣе къ Воронежу и Донцу. Каждой крѣпосцѣ назначалось оберегать линію до слѣдующей таковой же крѣпости, съ нею сосѣдственной. По этой сторожевой чертѣ разѣзжали въ продолженіе всего лѣта станичники и служилые люди. При вѣсти объ опасности „сеунчи“ скакали отъ сторожки къ сторожкѣ, перевозили „воеводскія отписки“ всякаго чина государевымъ ратнымъ людямъ: казакамъ, посадскимъ, боярскимъ дѣтямъ и черносошнымъ, дабы подымались въ воеводскую воюу дозирать поле дикое. А жители „по опаснымъ вѣстямъ“ „безъ мотчанья“, не мѣшкая, съ женами и дѣтьми бѣжали въ городъ, укрывая хлѣбъ и все движимое имущество въ ямы *). Но при всей бдительности пограничной стражи, хищники часто прорывались за черту русскихъ укрѣпленій. Ограбивъ селенія и захвативъ полонъ прежде, чѣмъ пограничная стража соберется вмѣстѣ, чтобы дать должный отпоръ, татарскій кошъ уходилъ въ свою сторону.

Въ трудныя времена междоусобицъ вниманіе русскаго государства отвлекалось отъ укрѣпленія и защиты пограничной черты, и хищники тѣмъ смѣлѣе дѣлали набѣги на московскую украину, чѣмъ чаще они оставались ненаказанными. Чтобы положить предѣлъ этимъ набѣгамъ, въ половинѣ XVII столѣтія было устроено особое громадное сооруженіе, измѣнявшее прежнюю систему охраненія госу-

*) Н. Бѣляева, о станичной и сторожевой службѣ.

дарства,—это земляной валъ со рвомъ. Онъ тянулся съ одной стороны отъ рѣки Суръ чрезъ Пензу, Мокшанъ и Ломовъ къ Тамбову, а съ другой стороны чрезъ Инсаръ и Саранскъ къ Симбирску; кромѣ рвовъ, укрѣпленъ былъ тыномъ и по всему протяженію его раскинуты были городки съ дозорными башнями, на верху которыхъ въ родѣ маяковъ тлились въ кузовьяхъ день и ночь береста и смоле. Какъ скоро замѣчалась опасность отъ враговъ, маяки эти тотчасъ зажигались. Огонь, пробѣгая по сторожевой чертѣ, служилъ сигналомъ, чтобы жители селеній были осторожны, а люди военные спѣшили къ своему дѣлу. 15-ти тысячное войско охраняло сію черту *).

Одинъ изъ такихъ городковъ съ смотрильнею, устроенною на вершинѣ четырехъ деревь площадкою, стоялъ на верху горнаго хребта между селъ Вирги и Атмиса. Онъ находился подъ вѣденіемъ главнаго сторожеваго пункта, бывшаго въ городѣ Нежнемъ-Ломовѣ, гдѣ несъ государову службу полкъ адмирала графа Лефорта **). Мѣсто для городка было выбрано весьма удачно. И нынѣ взору стоящаго на верху означенной горы открывается пространство на десятки верстъ. Но если къ высотѣ горы прибавить еще высоту смотрильни, которая, конечно, была не низка, то можно представить, какое пространство могъ обозрѣвать смотрильни служилый! За десятки верстъ онъ могъ усмотрѣть крымца и ногаю, идущаго въ передовомъ отрядѣ коша, и, запаливъ свой кузовъ съ горючими веществами, могъ поднять на ноги все сторожевое войско отъ Пензы до Тамбова. Народное преданіе указываетъ мѣсто означеннаго городка и некрупный лѣсъ, стоящій не вдалекѣ отъ этого мѣста, до сего времени носить названіе лѣса *караульнаго*.

*) Географическій словарь Щенатова — „Симбирская черта“.

**) Запись о земляхъ, жалованныхъ служилымъ людямъ 1705 года.

Въ этомъ городкѣ въ концѣ XVI вѣка несли сторожевую службу выборные солдаты: Тимофей Аверковъ да Назаръ Манторовъ, Акимъ Саблинъ и Лука Попешевъ съ товарищи, ниже-ломовскій пушкаръ Иванъ Евфимовъ, конные казаки: Иванъ Фокинъ, Селифанъ Карповъ сынъ Тѣльновъ, Василій Тимофеевъ сынъ Рыбушкинъ, Леонтій Михайловъ сынъ Карасевъ, Семёнъ Ивановъ сынъ Коровинъ, села Колояра конные казаки: Михаилъ Гавриловъ сынъ Дубровинъ, Михаилъ Ефремовъ сынъ Розановъ и прочіе ратные люди. Всѣ означенныя лица, должно быть, отправляли обязанности сторожевой службы очень хорошо, потому что удостоены были пожалованія землями. „По указу великихъ Государей, цесаревичей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, велѣно ѣмъ Тимофею Аверкову да Назару Манторову и прочимъ служилымъ людямъ тѣми пашенными землями съ сѣнными покосы и всякими угодьями владѣти и великихъ государей службу служить по уѣзду Нижняго-Ломова города и гдѣ великіе государи укажутъ“. Земли жаловались государями служилымъ людямъ не въ одинаковомъ количествѣ, а смотря по заслугамъ каждаго. Такъ, выборнымъ Тимофею Аверкову дано земли въ вѣчное и потомственное владѣніе 70 четвертей, Назару Манторову — 65, а рядовому солдату Селифану Карпову сыну Тѣльнову дано всего 25 четвертей. Земли, раздаваемыя служилымъ людямъ, для избѣжанія между ними споровъ и захвата чужой собственности, обозначались гранями *).

*) Не лишено интереса, какъ ставились грани въ описываемое время. „Идучи на лѣвой сторонѣ земля дикое поле лежитъ порожнее до Етмискаго лѣса въ урочищахъ подлѣ рѣчки Керы, на низъ идучи тою рѣчкою Керю. Ту землю отдать выборнымъ Тимофею Аверкову да Назару Манторову... Въ томъ урочищѣ у большаго Етмискаго лѣса подлѣ врага стоитъ дубъ, на немъ набито двѣ грани, одна грань указываетъ по врагу къ рѣчкѣ Керѣ, а другая грань указываетъ подлѣ Етмискаго лѣса на

Когда выборные Аверковъ и Манторовъ вступили во владѣніе землями, пожалованными имъ за службу великими Государями, то построили на нихъ дома и перевели въ нихъ свои семейства. Но такъ какъ набѣги хищниковъ, крымцевъ и ногайцевъ, на Украину московскую въ то время еще не прекратились, то они избрали для жительства глубокий оврагъ, обросшій со всѣхъ сторонъ густымъ вѣковымъ лѣсомъ, чтобы, въ случаѣ набѣга, ихъ жилища не скоро могли отыскать хищники. Такъ положено начало деревнѣ Манторовкѣ.

Возлѣ владѣнія Аверкова и Манторова оставалась земля государева, дикое поле, собственно ни кому не принадлежащее. Видя, что Аверковъ и Манторовъ удачно выбрали мѣсто для жительства, всякаго чина государевы люди: кончившіе службу казаки, отставные солдаты и посадскіе черносошные стали селиться близъ деревни Манторовки по тому же оврагу на земляхъ государственныхъ. Дѣвственная черноземная почва и огромный строевой лѣсъ, скрытая мѣстность, дѣлающая жизнь сравнительно безопасною отъ хищниковъ, привлекли сюда многихъ другихъ людей. Въ скоромъ времени около деревни Манторовки образовалось село. Оно названо; „Сходцы“, по разнородности своихъ жителей, — „Потьма“, по мѣстоположенію, и „Верхъ-Кера“ потому, что стояло на ручьѣ, называемомъ „Керою“.

Въ 1714 году зъ вышеозначеннымъ названіямъ села Потьмы прибавляется новое; оно называется еще „Рожде-

дубъ же, а тотъ дубъ стоитъ; перешедъ врагъ, подлѣ того Етмисскаго лѣса. На томъ дубу набито двѣ грани, одна грань указываетъ назаль, на граненый дубъ, а другая грань указываетъ на передъ подлѣ того же Етмисскаго лѣса на дубъ же, а тотъ дубъ стоитъ въ отрожкѣ, которая отрожка вышла къ Етмисскому лѣсу; на немъ двѣ грани“ и т. д. (Копія съ выписи 1693 года).

ствено, Потьма тожь *). Отсюда можно заключить, что около сего времени въ селѣ Потьмѣ былъ построенъ первый храмъ и освященъ во имя Рождества Христова. О первомъ храмѣ села Потьмы не сохранилось ни какихъ памятниковъ; извѣстно только, что онъ былъ деревянный. Около 1780 года храмъ сей сталъ приходить въ ветхость. Приходскіе люди мокшанскія десятины, ниже-ломовской округи села Потьмы церкви Рождества Христова, однодворцы Тимофей Журавлевъ и Степанъ Дружининъ въ 1783 году входили прошеніемъ къ Θεодосію, епископу тамбовскому и пензенскому, о дозволеніи построить въ селѣ Потьмѣ вмѣсто ветхаго храма новый. Преосвященный Θεодосій „лѣта мірозданія 7291, воплощенія же Божія Слова 1783 мѣсяца марта въ 16 день индикта 1-го, онымъ просителямъ далъ на построение храма храмозданную благословенную грамоту въ Богоспасаемомъ градѣ Тамбовѣ, въ крестовой архіерейской палатѣ.“ Въ сей грамотѣ повелѣвается: „имѣющуюся въ селѣ Потьмѣ оную Рождественскую церковь за ветхостію разобрать, а вмѣсто ея построить вновь въ тожь именованіе и на томъ же церковномъ погостѣ съ употребленіемъ къ оной ветхой церкви лѣсу по чину греко-россійскому я, по построеніи, убрать ея иконостасомъ и св. иконами благолѣпно и благостройно, также церковными сосудами сребренными, а по крайней необходимости, изъ чистаго олова и алтарными священно-церковно-служительскими облаченіями, непременно шелковыми, книгами всего церковаго круга новоисправленными,

) Архипъ Борисовъ сынъ Егольниковъ продалъ землю, государеву службу отца своего, села Рождествена, Потьма тожь, однодворцу Максиму Семенову Зимину 20 четвертей за 10 рублевъ 1714 года іюня 5-го дня. Сія купчая въ Нижнемъ городѣ Ломовѣ у крѣпостныхъ дѣлъ въ книгу записана, пошлинныхъ съ письма 10 копѣекъ, за написание 5 копѣекъ и на расходъ 2 копѣйки взято. У крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщикъ Андрей Архиповъ.

съ подписаніемъ по листамъ на имя той церкви, въ коихъ бы церковныхъ книгахъ и были новый завѣтъ и духовный регламентъ, удовольствоваться. А сжели изъ той ветхой церкви лѣсъ къ постройку въ оную явится не годенъ, то его употребить въ церковное топленье, или на печенье просфоръ, а кромѣ того ветхаго лѣсу никому ни на что не расточать“.

Такъ въ селѣ Потъмѣ, вмѣсто обветшавшаго храма, въ 1784 году былъ устроенъ новый и освященъ г. Мокшана священникомъ Андреемъ Ивовымъ въ 1785 году. Храмъ сей стоялъ до 1840 года и въ семь году, во время бывшаго большаго пожара въ селѣ, 9 го іюня сгорѣлъ. Вмѣсто его преосвященный Амвросій, епископъ пензенскій и саранскій, въ 1841 году декабря 24 дня, благословилъ прихожанъ села Потьмы построить храмъ каменный во имя Рождества Христова, который существуетъ и по настоящее время. Храмъ сей окончателно устроенъ и освященъ въ 1845 году; онъ имѣетъ видъ креста, довольно обширенъ и, сравнительно съ другими сельскими церквами, отличается благолѣпіемъ, кругомъ обнесенъ каменною оградою; построенъ и украшенъ на средства прихожанъ.

Народное преданіе сохранило въ памяти имена первыхъ священниковъ села Потьмы. Первымъ священникомъ оно называетъ Данила, вторымъ Василя, но ничего не говоритъ о томъ, когда и кѣмъ они были рукоположены и какова ихъ была дѣятельность. Ясные свѣдѣнія о священникахъ послѣдующихъ. Изъ формулярныхъ списковъ 1806 г. видно, что въ это время въ селѣ Потъмѣ было два священника: Алексій Васильевъ, сынъ священника сего же села Василя Евфимова, и Лукьянъ Петровъ *).

*) „Священникъ Алексій Васильевъ 54 лѣтъ, изъ великороссіянъ, онаго же села умерш. свящ. Василя Евфимова сынъ, ко оной церкви въ попомаря посвященъ покойнымъ

дворовъ было 222, душъ мужскаго пола 737, а женскаго 676 одподворцевъ, кромѣ того помѣщичьихъ крестьянъ муж. п. 48, а женск. 30. Церковнаго причта было: два свящ., діаконовъ и дячскъ и „указникъ Оома Гавриловъ 7 лѣтъ обучающій псалтирь“.

Въ 1821 году священникъ Лукьянъ Петровъ померъ и на мѣсто его опредѣленъ свящ. Василій Степановъ. Въ 1824 г. померъ и свящ. Алексѣй Василевъ и на мѣсто его поступилъ Павелъ Михайловъ*). Оба пастыря не отличались доброю жизнію: имѣли пристрастіе къ горячимъ напиткамъ и между собою постоянно ссорились, за что первый былъ низведенъ на причетническую должность (въ послѣдствіи пропалъ безъ вѣсти), а Василій былъ посланъ нести послушаніе при архіерейскомъ домѣ.

На мѣсто Павла Михайлова въ 1830 году поступилъ священникъ Павелъ Викторовъ, а на мѣсто Василя Степанова въ 1832 году поступилъ Онисимъ Никифоровъ**). О. Викторовъ въ 1837 году перешелъ на другое священническое мѣсто; послѣ него остался въ селѣ Потъмбоднѣ священникъ Онисимъ Никифоровъ и жилъ до 1847 года. Съ любовію и уваженіемъ вспоминаютъ прихожане своего

Преосвященнымъ Оеодосіемъ Тамбовскимъ 1774 года на мѣсто выбывшаго священника попомаря Василя Евфимова, а во священники посвященъ въ оное село Тамбовскимъ Преосвященнымъ Оеофиломъ на отцевское мѣсто въ 1792 году, въ семинаріи не обучался, въ подушный окладъ не положенъ“. Не обучался въ семинаріи и въ подушный окладъ не былъ положенъ и Лукьянъ Петровъ, посвященный во свящ. преосвящ. тамбовскимъ Оеофиломъ въ 1795 г. Оба въ чтеніи и пѣніи хороши, по нотѣ не знаютъ. Такъ отмѣчалось они благоч. свящ. Іоанномъ Навескимъ.

*) Оба священника въ семинаріи не обучались, но въ это время требованіе знаній отъ священника увеличилось. Въ графѣ формулярнаго списка противъ обоихъ свящ. стоитъ отмѣтка: катихизисъ, таинства, обязательство папсузъ не знаютъ, къ чтенію поученій способни, уставъ знаютъ, по нотѣ пѣть умѣютъ, арифметикѣ не знаютъ, пишутъ посредственно.

**) О. Викторовъ обучался въ семинаріи до риторическаго класса, а Никифоровъ не обучался вовсе.

добраго и умнаго пастыря—отца Онисима. Онъ былъ съ ними общителенъ, но правилъ жизни строгихъ и безукоризненнаго поведенія, старался учить ихъ словомъ и примѣромъ жизни. При немъ сгорѣла деревянная церковь въ 1840 году и онъ испросилъ у преосвященнаго Амвросія дозволеніе построить храмъ каменный. Денегъ оставалось всего 1000 рублей асс., а планъ на храмъ былъ высланъ огромный; была потребны десятки тысячъ, чтобы по данному плану построить храмъ. Не утратился трудностей о. Онисимъ и началъ строить храмъ по данному плану. Онъ постоянно ходилъ по приходу для сбора пожертвованій на построеніе храма, всѣхъ просилъ, умолялъ, предъ состоятельными прихожанами становился на колѣна, со слезами упрасивая ихъ жертвовать на храмъ. И прихожане были внимательны къ увѣщаніямъ и мольбамъ своего пастыря: нѣкоторые изъ нихъ на построеніе храма давали даже по 1000 рублей асс. Въ четыре года онъ привелъ постройку храма къ окончанію, употребивъ на нее болѣе 35 тысячъ. Благодарные прихожане соорудили на его могилѣ памятникъ и нѣтъ въ селѣ ни одной книжки, въ которыхъ вписываются имена умершихъ для поминовенія, гдѣ бы не стояло первымъ имя іерея Онисима.

Съ 1847-го по 1868 годъ въ селѣ Потъмѣ былъ священникомъ Петръ Пальмовъ, первый съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Съ 1868 по 1877 г. священствовалъ Евфимій Бѣляевскій, съ 1877 по 1879 г. былъ священникомъ Іоаннъ Беневоленскій, а съ 1879 г. состоитъ священникомъ Ѳеодоръ Соколовъ.

Нынѣ число душъ во всемъ приходѣ мужскаго пола 1243, женскаго 1371, всѣ православнаго вѣроисповѣданія. Не отличаясь особеннымъ богатствомъ, жители села Потъмы не страдаютъ и отъ бѣдности. Главными занятіями ихъ

служать земледѣліе и скотоводство. Имѣя у себя довольно земли, и притомъ почвы самой благодарней, они съ любовію занимаются воздѣлываніемъ полей; за то трудъ ихъ всегда оплачивается хорошимъ урожаемъ хлѣба: гумна многихъ домохозяевъ могутъ соперничать съ гумнами средственныхъ владѣльцевъ. Подспорьемъ къ земледѣлію служатъ промыслы. Главный гвзъ нихъ—ломка соли на Богучакскомъ озерѣ астраханской губерніи. Каждое семейство, могущее отдѣлить работника на лѣто, посылаетъ его на означенное озеро. Заработки бываютъ не дурны: порядочный работникъ можетъ получать 75 и 80 рублей за четыре лѣтнихъ мѣсяца. Состоятельные крестьяне подражаются выставить опредѣленное количество соли главному хозяину, который арендуетъ часть соленого озера, панимають отъ себя работниковъ и отправляются съ ними на все лѣто на озеро; отправляются въ концѣ апрѣля довольно большими партіями и возвращаются въ сентябрѣ. Поэтому въ селѣ лѣтомъ остаются только самые необходимые работники. Платежъ государственныхъ повинностей идетъ очень аккуратно, недоимокъ нѣтъ. Не терпя ни въ чемъ нужды, крестьяне вдаются даже въ роскошь, которая замѣчается въ ихъ одеждѣ. Въ одеждѣ женскаго пола сталъ обычнымъ ситецъ и шерстяныя матеріи, а въ одеждѣ мужчинъ—казинетъ и не рѣдко фабричное топкое сукно. Но доставляя подспорье въ хозяйствѣ, сзпачепный промыслъ имѣетъ и невыгодную сторону. Молодые работники, отрѣзавъ отъ дома и отъ семействъ на все лѣто и часто встрѣчаясь тамъ съ людьми безнравственными, не рѣдко сами падаютъ нравственно: губернскія и уѣздныя тюремныя заключенія имѣють порядочный контингентъ изъ жителей села Потьмы.

Вообще же религіозное и нравственное состояніе прихожанъ находится ни на низкой степени развитія. Всѣ прихожане, даже дѣти, имѣютъ понятіе о главныхъ догматахъ вѣры и праздникахъ церковныхъ. Во всѣ воскресные и праздничные дни храмъ бываетъ полонъ молящимися. Привлекаетъ ихъ въ храмъ и то, что тамъ бываетъ постоянно хоровое, стройное и гармоничное пѣніе на клиросахъ. Поученія церковныя прихожане слушаютъ съ любовью и вниманіемъ. Въ великій постъ всѣ считаютъ долгомъ быть у исповѣди и св. причастія; болѣе усердныя говѣютъ и въ другіе посты. Каждое воскресенье приносятъ для причащенія св. Таинъ очень много грудныхъ младенцевъ; въ великій четвергъ причащаются даже всѣ дѣти до 6-лѣтняго возраста.

Религіозно-нравственному состоянію прихожанъ много способствуетъ училище. Вечеромъ, когда старшіе члены семейства исполняютъ свою домашнюю работу, дѣти, съ книжкой въ рукахъ, сидя за столомъ, читаютъ въ слухъ всѣмъ домашнимъ рассказы изъ свящ. исторій, или говорятъ изустно о томъ, что успѣли усвоить въ школѣ изъ уроковъ закона Божія. Тому же много способствуютъ поученія, произносимыя въ церкви въ каждый воскресный и праздничный день языкомъ простымъ и вполне понятнымъ для простолюдиновъ.

Свящ. с. Потьмы **О. Соколовъ.**

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Троицкія березки. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликованъ слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ.

„Въ циркулярахъ отъ 2-го іюля 1875 года за № 69 и 31-го мая 1879 года за № 61 министерство внутреннихъ дѣлъ

обращало вниманіе губернаторовъ на тотъ вредъ, какой причиняетъ обществу оустановившійся въ народѣ обычай украшать въ день св. Троицы храмы, жилища помѣщенія и разныя предметы молодыми деревцами березы, вырубасными для сего многими сотнями тысячъ. Хотя изъ поступающихъ по этому предмету донесеній и усматривается, что означенный обычай начинаеть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прекращаться, тѣмъ не менѣе, въ виду приближенія упомянутыхъ праздниковъ, я считаю необходимымъ вновь покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить особенное вниманіе на принятіе мѣръ, рекомендованныхъ мною въ циркулярѣ отъ 31-го мая 1879 г. за № 61, и опослѣдующемъ доводить до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ“.

Списокъ оберъ-прокуроровъ Святѣйшаго Синода.

Церковно-Общественный Вѣстникъ приводитъ полный списокъ оберъ-прокуроровъ Св. Синода съ самаго начала его учрежденія по настоящее время. Общее число ихъ 23. Вотъ перечень ихъ: 1) Иванъ Васильевичъ Волтинъ, полковникъ, 1721—1725 гг. 2) Алексѣй Басмаковъ, капитанъ гвардіи, 1725—1726. 3) Раевскій, капитанъ арміи, 1726—1741. 4) Князь Яковъ Петровичъ Шаховской, дѣйствит. статскій совѣтникъ, 1741—1753. 5) Афанасій Ивановичъ Львовъ, статскій совѣтникъ, 1753—1758. 6) Алексѣй Семеновичъ Козловскій, генералъ-маіоръ, 1758—1763. 7) Иванъ Ивановичъ Молисино, дѣйств. ст. сов., 1763—1768. 8) Петръ Петровичъ Чебышевъ, бригадиръ, 1768—1774. 9) Сергій Васильевичъ Анчуринъ, статскій совѣтникъ, 1774—1786. 10) Аполлосъ Ивановичъ Наумовъ, статскій совѣтникъ, 1786—1791. 11) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, дѣйств. ст. сов., 1791—1797. 12) Князь Василій Алексѣевичъ Хованскій,

1797—1799. 13) Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1799—1803. 14) Александръ Алексѣевичъ Яковлевъ, дѣйств. ст. сов., 1803. 15) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, тайный совѣтникъ, 1803—1817. 16) Князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій, дѣйств. ст. сов., 1817—1833. 17) Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, дѣйств. ст. сов., 1833—1836. 18) Графъ Николай Александровичъ Протасовъ, генералъ-адъютантъ, 1836—1855. 19) Александръ Ивановичъ Карасевскій, тайный совѣтникъ, 1855—1856. 20) Графъ Александръ Петровичъ Толстой, 1856—1862. 21) Алексѣй Петровичъ Ахматовъ, генералъ адъютантъ, 1862—1865. 22) Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣйств. тайный сов., съ 3 іюня 1865 г. по 24 апрѣля 1880. 23) Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, съ 24 апрѣля 1880 года. Изъ оберъ-прокуроровъ кн. Голицынъ и графъ Д. А. Толстой занимали совместно съ должностію оберъ-прокурора и постъ министра народнаго просвѣщенія.

Проповѣдничество во владимірской епархіи. Во владимірской епархіи существуютъ епархіальный и уѣздные цензурные комитеты для цензуры проповѣдей, произносимыхъ священниками, и вообще для наблюденія за проповѣдничествомъ. Изъ отчета епархіальнаго комитета видно, что всѣхъ проповѣдниковъ въ отчетномъ году было 1,104; проповѣдей произнесено ими—письменныхъ 9,204,—устныхъ 1,251,—печатныхъ 24,564, всего же произнесено проповѣдей въ епархіи—35,019. О достоинствѣ проповѣдей комитетъ замѣчаетъ слѣдующее: „Отличаясь разнообразіемъ предметовъ, приложимостію къ обстоятельствамъ жизни, . . поученія пастырей церкви въ большинствѣ отличаются простотою, ясностію и доступностію изложенія для той среды, въ которой говорятся.—Факты не составляютъ со-

мѣнія въ томъ, что пастыри церкви помнятъ свой долгъ учительства, знаютъ цѣну его и сдѣлали для себя проповѣданіе слова Божія насущностію“.

Взаимно-вспомогательная касса духовенства подольской епархіи. Во взаимно-вспомогательной кассѣ духовенства подольской епархіи, по отчету, напечатанному въ Епарх. Вѣд., къ 11 мая состояло: 176, 983 р. 55 коп.

Взаимно-вспомогательная касса духовенства тульской епархіи. По отчету, напечатанному въ Епарх. Вѣд., въ кассѣ было къ нынѣшнему году болѣе 25 тысячъ рублей наличными деньгами, кромѣ выданныхъ въ ссуду около 6% тысячъ.

Музыкальное образованіе въ черниговской семинаріи. По извѣстію „Берега“, играющихъ на разныхъ инструментахъ учениковъ семинаріи считается 108. Въ семинаріи приобретено 60 скрипокъ, 1 виолончель, 3 флейты, 1 кларнетъ, 7 гитаръ, гармоній и фисъ-гармоній до 15. Приглашенъ учитель музыки, который даетъ уроки воспитанникамъ въ теченіе пяти дней каждой недѣли по два часа въ день. Ученики распределены по группамъ, каждый изъ учениковъ пользуется 8 уроками въ мѣсяцъ. Дѣло идетъ до того успѣшно, что сформировался хоршій оркестръ, который въ праздникъ 19 февраля отлично исполнилъ нѣсколько пьесъ.

— Та же газета сообщаетъ, что новый оберъ-прокуроръ Св. Синода, независимо отъ другихъ важныхъ вопросовъ по духовному вѣдомству, намѣренъ обратить вниманіе на улучшеніе церковнаго пѣнія въ Россіи и улучшеніе быта пѣвчихъ.

„Берегъ“ передаетъ, что оберъ-прокуроръ Св. Синода Побѣдоносцевъ намѣренъ лично произвести ревизію всѣхъ отдѣловъ синодальной канцеляріи. Это первый оберъ-прокуроръ въ высшей степени внимательно отнесшійся къ дѣлопроизводству такъ-называемой большой консисторіи.

Высочайшее повелѣніе объ ордентъ св. Станислава для духовныхъ лицъ. На докладѣ оберъ-прокурора Св. Синода о замѣнѣ доценту моск. дух. академіи, свящ. Н. Елеонскому ордена св. Станислава 3 ст. орденомъ св. Анны той же степени, Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ: „Оставить Елеонскому ордентъ св. Станислава, такъ какъ онъ получилъ его до рукоположенія, а священники наши носятъ и иностранные ордена“. Это Высочайшее повелѣніе принято Св. Синодомъ къ руководству въ подобныхъ случаяхъ.

Пожаръ въ с. Мокшалеяхъ. Пенз. Губ. Вѣдомости сообщаютъ, что 19 мая, при сильномъ вѣтрѣ, вспыхнулъ пожаръ въ селѣ Мокшалеяхъ, саранскаго уѣзда; сгорѣли 224 крестьянскихъ дома, церковь, дома священно-служителей, волостное правленіе и училище; отъ всего селенія осталось только 11 дворовъ. Вѣдомости приглашаютъ къ облегченію участи погорѣльцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

- 1) Обычаи и учрежденія въ первенствующей церкви Христовой, П. Озерцаго;
2) Село Потьма, нижне-ломовскаго уѣзда (историко-статистическій очеркъ), свящ. В. Соколова; 3) Внутреннія извѣстія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: $\left\{ \begin{array}{l} \text{А. Поповъ.} \\ \text{Н. Смирновъ.} \end{array} \right.$

Дозволено ценз. Пенза, 1 іюня 1880 г. Цензоръ, рект. сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.